

РАЗДЕЛ 1. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЭКОЛОГИЯ

УДК 911.2 / 911.9

РЕАЛЬНЫ ЛИ ЛАНДШАФТЫ?

Боков В.А.

*Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vbokov@mail.ru*

Вопрос том, существуют ли ландшафты в реальности, имеет важное теоретическое и практическое значение. Он на протяжении многих десятков лет служит предметом дискуссий. Крайние точки зрения – о наличии в природе строго определенного количества ландшафтов и о полной субъективности при выделении ландшафтов – заменяются более гибкими моделями, отражающими реальность окружающего мира, соответствующими целям исследования и видам деятельности.

Ключевые слова: ландшафт, вещь в себе, деятельный подход, статистический ландшафт

Вопрос о реальности ландшафтов (другими словами: соответствуют ли выделяемым нами в поле и на картах контурам реально существующие в природе объекты) является предметом дискуссии на протяжении десятков лет [1, 4, 6, 10, 11, 15]. Вопрос представляет не только теоретический интерес, но определяет также процедуры исследований, точность и детальность, затраты на исследование. Эти споры находятся в русле фундаментальной дискуссии, которая ведется на протяжении столетий между материалистами и идеалистами относительности первооснов мира. В СССР негласно поддерживалось представление об объективности ландшафтов, на основе чего ставилась задача их однозначного выделения. И это не случайно. Выбор объективистской точки зрения отражал необходимость решения задач географического обеспечения хозяйственных задач. Доминирование объективистской точки зрения на ландшафты в СССР отражало процессы быстро идущего освоения территории страны, в основе которой находилось картографирование природных систем. Ландшафтные карты широко использовались в различных видах хозяйственной деятельности. Принятие принципа субъективности не позволило бы справиться с этой задачей.

Географы 50-80-х годов XX века решили поставленные обществом практические задачи. В теоретическом смысле их достижения оказались гораздо слабее. Говоря о реальности ландшафтов (вплоть до представления о том, что границу Европы и Азии можно прочертить прутиком на земле), они ставили невыполнимую задачу – однозначно выделять (или вычленять) ландшафты, которые включают компоненты (биота, воздух, вода, горные породы, почвы и др.), характеризующиеся большим многообразием типов организации и пространственно-временных масштабов. Но за примерно столетний опыт ландшафтного картографирования так и не удалось разработать строгую процедуру выделения ландшафтных комплексов.

При ландшафтном картографировании в качестве элементарной единицы ландшафтного деления в 50-е годы XX века была принята фация. Теоретическое обоснование фации как элементарной ландшафтной системы дал В.Н. Солнцев [14], подчеркнув, что у фации, как и у ландшафтных комплексов более крупного ранга, роль гравитационных взаимодействий остается превалирующей в построении ее конструкции. Впоследствии стали говорить о более мелких пространственных единицах (размером 10^1 м, а иногда и меньше): ландшафтные парцеллы и др. [7, 9, 12]. Однако, оперирование с ландшафтной единицей меньшего по сравнению с фацией размера потребовало бы при картографировании территорий очень больших затрат, что было нереально в тех условиях. Хорошо известен так называемый «крест Маршалла», показывающий нахождение оптимума при сопоставлении затрат и выгод. Общий баланс экономических возможностей, теоретических и инструментальных достижений в географии 60-80-е годы вывел на необходимость установления элементарной единицы на уровне фации, имеющей пространственный масштаб в среднем 10^2 м (размеры в поперечнике). Современному обществу пока неясно имеет ли смысл производить картографирование в более детальном масштабе: размеры получаемых выгод нередко оказываются меньше затрат.

Решение вопроса о реальности ландшафтов связано с понятиями «вещь в себе» и «вещь для нас». Соотношение этих понятий обсуждалось еще в древности, но особое значение приобрело в философии И. Канта. По его мнению, вещи познаваемы лишь такими, какими они являются нам в нашем чувственном созерцании (в формах пространства и времени) и в формах нашего рассудка (в категориях). Не будучи теоретически познаваемы, по Канту, «вещи в себе» мыслимы, т.к. в противном случае явление существовало бы без того, что в нем является (цит. по В.Асмус / Философская энциклопедия.Т.1, 1960, с.249). Таким образом, вещь в себе домысливается человеком, хотя у него нет полных знаний о ней. Говоря о непознаваемости «вещи в себе» Кант, однако, не ставил никаких границ эмпирическому познанию вещей. «Наблюдения и анализ явлений проникает во внутренность природы, и неизвестно, как далеко зайдем мы на этом пути со временем», - говорил он. Но как бы далеко в глубину вещей ни вело эмпирическое познание, «вещь в себе», по Канту, будет всегда оставаться по ту сторону всякого возможного для нас опыта. Таким образом, вещи в себе можно предполагать. Они никогда не могут быть изучены до конца вследствие неисчерпаемости окружающего мира и бесконечного горизонта познания.

Предметной основой представлений о вещи в себе (вещи самой по себе) стали такие объекты материального мира, которые хорошо выделяются на фоне окружающего пространства: многие виды живых организмов (прежде всего растения, крупные животные), космические тела, технические сооружения. Перенос этих представлений на географические объекты, в том числе ландшафты, оказался неудачным: за примерно столетний опыт работы с ландшафтами, опыт картографирования так и не удалось разработать строгую процедуру их выделения.

Ортодоксальный объективизм ограничивал развитие ландшафтоведения. Практика изучения ландшафтов, в том числе их картографирования, получившего большой размах к 60-80-м годам XX века, показала невозможность поиска метода, посредством которого выделение (выявление?) ландшафтов производилось бы всеми ландшафтоведами одинаково.

Но принятие субъективной точки зрения в классическом выражении также не было конструктивным: в этом случае скатываются к так называемому эпистемологическому анархизму – признанию различных представлений, теорий и методов равноправными (или произвольной степени основательности) и произвольности выбора среди них используемых для практического применения. Эпистемологический анархизм [16] отрицает какие-либо предпочтительные варианты описания мира, какие-либо законы и правила. Этот подход провозглашает отсутствие универсальных критериев истинности знания, а навязывание таких критериев государством или обществом рассматривает как препятствие для свободного развития науки. Каждый ученый волен развивать свою идею, какой бы абсурдной или устаревшей она ни казалась, а каждый из нас, в свою очередь, должен быть свободен в выборе, с какими из этих теорий соглашаться и каких взглядов придерживаться¹. Практика ландшафтного картографирования показала, что, хотя однозначное выделение ландшафтов невозможно, есть варианты членения земной поверхности, которые чаще используются как при теоретических построениях, так и в практической деятельности.

Невозможность полного постижения мира и раскрытия вещей в себе в их абсолютном реальном значении заключается, во-первых, в бесконечной сложности мира, для постижения которого у человека недостаточно возможностей ощущения, восприятия и обобщения. Но одновременно ограниченные возможности ощущения, как подчеркивает В.Г. Губин [5], при неисчерпаемой материи делают вещи конечными. Материя бесконечна и не имеет как бы объемлющих ее границ – «бесформенна», и части ее четких собственных границ также не имеют, но она отнюдь не однородна и имеет некоторую структуру, что дает возможность формирования вещей при отражении, которое не является точным. Конечно, при этом мы видим не совсем то, что существует вне нас, и в этом отношении без «духа» (без уровня идеального) дело не обходится. Но этот «дух» формирует объекты на базе реального материала и в соответствии со своей материальной основой, а не порождает их целиком по своему произволу [5]. Таким образом, ландшафты, выделяемые человеком, равно как и любая структура или объект теории – конечное, ограниченное образование, соответствующее ограниченности отражения. Они с приблизительным соответствием сопоставляются с существующей вовне ландшафтной материальной основой – но уже бесконечной сложности, четко не отделенной от всего другого и позволяющей выявлять ее другие стороны.

Крайние точки зрения на реальность ландшафтов показали свою несостоятельность. В 70-80-е годы были найдены приемлемые формы сочетаний этих точек зрения: полиструктурность, деятельностный подход и др. (К. Раман,

¹ Переход в 90-е годы XX века к новым политическим и социальным реалиям снял проблему негласного запрета на субъективистские модели и подходы. Произошел невиданный расцвет разнообразных вариантов выделения ландшафта при очень слабом обосновании процедур. Резко возросло число составляемых ландшафтных карт, часто не базирующихся на строгих процедурах и полевых исследованиях. Процедуры картографирования, разработанные в 40-60-е годы XX века (Н.А. Солнцев, А.Г. Исаченко, Г.П. Миллер и др.), практически не используются.

А.Ю. Ретеюм, Г.И. Швебс, М.Д. Гродзинский и др.). Эти подходы в определенной степени сняли жесткое мировоззренческое и методологическое противопоставление объективности и субъективности ландшафта. В географии различение объективной реальности и как объекта субъективного восприятия вводилось еще А.Гумбольдтом, который говорил (середина XIX века): «Я попытался представить ее сначала в рамках чистой объективности ее внешних проявлений, потом в виде отображения, полученного с помощью органов чувств внутрь человека, на базе круга его идей и чувств (цит. по:[17]).

Деятельностный принцип ориентирует на необходимость анализа явлений в рамках определенного вида деятельности. Зададим себе вопрос: есть ли «стол», отграниченный от «остального», без человека? Для зверей стол в лесу (представим такую ситуацию) является лишь помехой на пути. Но для человека стол является вещью. То есть необходимость выделения стола как объекта появляется лишь в процессе определенной деятельности (для обеда или для писания), в других случаях (для животных и т.д.) стола нет. Факты, понятия, значения – реальные, а не абстрактно-схоластические, в отрыве от конкретной деятельности не существуют. Ландшафтное районирование территории, производимое для сельскохозяйственных целей, неизбежно даст несколько иную сетку районов, нежели для целей строительства.

Установление роли субъективных факторов при выделении ландшафтов потребовало детализации вопроса. Причины субъективности разнообразны.

1. Ограниченная точность человеческих ощущений и измерительных систем, влияние самих наблюдателей на объект [2]. Не следует, однако, думать, что ограниченная точность является недостатком. Требование абсолютной точности, отмечает В.Б. Губин [5], лишало бы любые теории области существования, делало бы невозможной никакую теорию (равно как и общение между людьми). Выделяемые ландшафты (описываемые и показываемые на карте) поэтому не являются исчерпывающими отображениями ландшафтной сферы и их точность конечна. Каждая конкретная деятельность выделяет ландшафты в некоторых контурах, которые могут в большей или меньшей мере не совпадать с контурами, выделяемыми в ходе другого вида деятельности.

2. В ландшафте интегрируются компоненты разной природы, обладающими разными пространственными и временными масштабами. Широко известны конкурирующие концепции непрерывности и дискретности растительного покрова, разграничения стратиграфических комплексов, типов почв и т.д. Неопределенность, имеющая место при выделении компонентов ландшафта, возрастает при их интеграции.

3. Наличие ландшафтов разных пространственных уровней. Ландшафты более крупных уровней формируются в результате интеграции ландшафтов более мелкого ранга. В результате первые оказываются менее объективными по сравнению со вторыми.

4. Наличие разных временных уровней ландшафтов. Более длительновременные состояния ландшафтов получаются при интеграции коротковременных. Аналогичным образом стационарные циклоны (например, Исландский) и антициклоны (например, Азиатский) получаются в результате статистического осреднения и являются более обобщенными и менее

определенными явлениями по сравнению с циклонами и антициклонами, изображаемыми на синоптических картах. Климат соответствующим образом соотносится с погодой. Длительновременные состояния являются менее объективными по сравнению с коротковременными. Осредненные системы объективны, но уровень объективности здесь снижен.

Таким образом, следует говорить о нескольких уровнях объективности и субъективности, реальности.

5. Выделение ландшафтов (контуры картографирования) зависит от формы деятельности (деятельностный подход): модель ландшафта строится с заданными требованиями, задаваемыми субъектами деятельности.

Таким образом, мы набрасываем модели на окружающую действительность. Каждая модель опирается на определенный вид деятельности или на мыслительную деятельность субъекта (в том числе его воображение и т.д.). Модельное разбиение используется далее в рамках соответствующего вида деятельности. В ходе сопоставления модели и деятельности выясняется насколько данная модель «работает» (она дает возможность прогнозирования, интерполяции, экстраполяции и др.). Любая модель не может совпадать с «вещью в себе», поскольку последняя представляет воображаемое, идеальное понятие.

Ландшафты не выделяются на фоне окружающей среды так четко, как это имеет место у живых организмов, технических объектов или космических объектов. Ландшафты сами образуют окружающую среду, образуя сплошную среду по горизонтали. Еще одно существенное отличие ландшафтов от названных объектов принципиальные отличия вертикальных и горизонтальных границ: верхние и нижние границы ландшафтов постепенные – на них происходит переход ландшафтов в атмосферу и земную кору, тогда как горизонтальные границы разделяют сами ландшафты.

Несмотря на такие принципиальные различия, ландшафты нередко сравнивали с организмами. При этом широко использовались выводы по аналогии с организмами. Ландшафтоведы оказались в плену организменных представлений: представление об органической целостности (в биологии) были механически перенесены на ландшафты. Такой подход увел в сторону от раскрытия реальной структуры ландшафтов.

Но субъективность при восприятии и изучении ландшафта ограничена самой природой, имеющей инвариантные реперные точки, линии и плоскости [8]. Таковыми являются, например, структурные линии А.Н. Ласточкина [8], проводимые достаточно строго: водораздельные линии, тальвеги, морфоизографы, линии максимальной крутизны и кривизны.

Важное значение для понимания вопроса имеет характер целостности ландшафта. Она значительно ниже, чем, скажем, у живых организмов. Целостность ландшафтов по сравнению с организмами более размытая, непостоянная во времени и в пространстве. Ландшафтные целостности небольшого масштаба не совпадают с целостностями большого масштаба. Соответствие между ними устанавливается лишь с помощью статистических распределений.

Интеграция объекты разной организации и разного пространственного и временного масштаба возможна лишь в рамках сетевых связей, когда непрерывно происходит возникновение и перестройка связей отдельных участков земной поверхности.

Каждый участок земной поверхности (ландшафт) входит одновременно в разные сетевые системы, перестраивающиеся по времени. Комбинации пространственно-временных сочетаний приводят к формированию статистических сочетаний. То есть имеет место сложное пересечение ландшафтов в пространстве и времени.

Список литературы

1. Арманд А. Д. Самоорганизация и саморегулирование географических систем / Арманд А. Д. – М.: Наука, 1988. – 264 с.
2. Арманд А. Д. Некоторые принципиальные ограничения эксперимента и моделирования в географии / А. Д. Арманд, В. О. Таргульян // Изв. АН СССР. Сер. географ. – 1974. – № 4. – С. 129-138.
3. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте/ Арманд Д. Л. – М.: Мысль, 1975. – 287 с.
4. Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місцепрстір / Гродзинський М. Д. // – К.: ВПЦ Київський університет, 2005. – Т. 1. – 432 с.
5. Губин В. Б. О роли деятельности в формировании моделей реальности / В.Б. Губин // Вопросы философии, 1997. – вып. 8. – С. 166-174.
6. Исаченко А. Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование / Исаченко А. Г. – М.: Высшая школа, 1975. – 266 с.
7. Крауклис А. А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. / Крауклис А. А. – Новосибирск: Наука, 1979. – 233 с.
8. Ласточкин А. Н. Геоэкология ландшафта / Ласточкин А. Н. – СПб: Изд-во Санкт-Петерб. Ун-та, 1995. – 280 с.
9. Линник В. Г. Методы моделирования и оптимизации геосистем: Учебное пособие / Линник В. Г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 99 с.
10. Нееф Э. Теоретические основы ландшафтоведения / Нееф Э. – М.: Прогресс, 1974. – 220 с.
11. Пашенко В. М. Теоретические проблемы ландшафтоведения / Пашенко В. М. – К.: Наукова думка, 1993. – 283 с.
12. Петлин В. Н. Закономерности организации ландшафтных фаций / Петлин В. Н. – Одесса: Маяк, 1998. – 240 с.
13. Ретеюм А. Ю. Земные миры / Ретеюм А. Ю. – М.: Мысль, 1988. – 254 с.
14. Солнцев В. Н. Системная организация ландшафтов / Солнцев В. Н. – М.: Мысль, 1982. – 302 с.
15. Тютюнник Ю. Г. Тоталогия ландшафта / Тютюнник Ю. Г. – К.: Центр гуманитарного образования НАН Украины, 2002. – 112 с.
16. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Фейерабенд П. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
17. Humboldt A. Ansichtender Natur / Humboldt A. – Berlin: Verlag der Nation, 1962. – 551 s.

Боков В.А. Чи реальні ландшафти? / В. А. Боков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Географічні науки. – 2012. – Т.25 (64), №2. – С.3-8.

Крайні точки зору на ландшафти як на однозначно виділяються і як суб'єктивно виділяються об'єкти показали свою обмеженість. Ландшафти виділяються з приблизними відповідністю з існуючою зовні ландшафтною матеріальною основою, відображаючи об'єктивну реальність, визначений вид діяльності та обмежені можливості відчуття.

Ключеві слова: ландшафт, річ в собі, діяльнісний підхід, статистичного ландшафтів

Bokov V.A. Whether real landscapes? / V. A. Bokov // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. – Series: Geography Sciences. – 2012. – V.25 (64), No2. – P.3-8.

The extreme points of view on the landscape as a uniquely allocated and subjectively allocated objects shown their limitations. The landscapes are distinguished with an approximate match with the existing landscape outside the material basis, reflecting the objective reality, a certain kind of activity and limited experience.

Key words: landscape, thing in itself, activity approach, randomness landscape.

Поступила в редакцию 05.11.2012 г.